

Л.А. Попова, М.А. Шишкина, Н.А. Бутрим

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ: ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье анализируются современные тенденции рождаемости населения в Республике Коми, изменения в структуре рождаемости по очередности рождения, по возрасту и брачному состоянию матери. На основе материалов социологических обследований с применением когортного метода оценивается влияние федеральных и региональных мероприятий демографической политики на трансформацию репродуктивных установок населения. Установлено, что государственные демографические инициативы последних лет позволили продлить позитивный тренд рождаемости уже в условиях ухудшения возрастной структуры населения, реализовать ранее отложенные старшими поколениями рождения, повысить детность семей, усилить семейную составляющую рождаемости, а также содействовали раннему началу реализации фертильности молодыми поколениями. Выявлено, что максимальный выигрыш от федеральных и региональных мер демографической политики получили поколения 1960-х и 1970-х годов рождения, которые реально воплотили его в рождениях в старших возрастных группах. При этом эффект региональных мер демографической политики, направленных на стимулирование третьих рождений, оказался более универсальным. Они способствовали не только дальнейшему повышению уровня рождаемости и опережающему росту доли рождений высокого порядка, но и увеличению репродуктивных планов населения, в том числе у самых молодых возрастных когорт. Сделан вывод о том, что последовательное наращивание мер просемейной демографической политики способно повлиять не только на текущую ситуацию в области рождаемости, но и на ее перспективы.

Ключевые слова: рождаемость, возрастная структура, интенсивность рождаемости, демографическая политика, материнский капитал, репродуктивные установки, Республика Коми

После 12 лет снижения в России уровня рождаемости с 2000 г. наблюдается его повышение. Но в 2013 г. проявились признаки приостановки роста. Число родившихся составило 1895,8 тыс. чел., что на 0,3% меньше, чем в 2012 г., хотя и больше, чем в любой другой год предшествующих двух десятилетий. Общий коэффициент снизился до 13,2 рождений на 1000 чел. населения по сравнению с 13,3‰ в 2012 г.¹ В 2014 г. рост числа родившихся в стране возобновился. По данным оперативной отчетности за январь–декабрь, число родившихся в России (без учета Крымского федерального округа) составило 1918,1 тыс. чел., что на 1,2% больше, чем в 2013 г., и превысило все значения показателя в предшествующие 23 года. С учетом данных по Крымскому федеральному округу число родившихся в России в 2014 г. составило 1947,3 тыс. чел. Общий коэффициент рождаемости вновь поднялся до 13,3‰ (как с учетом, так и без учета данных по Крыму). Однако эти значения существенно ниже уровня середины 1980-х годов (17,2‰), а также предшествующих указанному периоду лет². При этом в самое ближайшее время в стране начнется устойчивое снижение рождаемости, обусловленное структурным фактором, который с 2010–2011 гг. оказывает негативное влияние на ее уровень [8].

Соответственно, вопросы, связанные с особенностями репродуктивного поведения населения, которые уже в условиях понижающего воздействия возрастной структуры продолжают поддерживать уровень рождаемости, с факторами трансформации репродуктивного поведения, с возможностью управляющего воздействия на него, с оценкой последствий государственной демографической политики последних лет и с вероятными перспективами рождаемости, представляют несомненный интерес. Эффективности федеральных мер демогра-

¹ См.: *Демографические итоги I полугодия 2014 года (часть I)*. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0609/barom03.php>.

² См.: *Россия: предварительные демографические итоги 2014 года (часть I)*. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0631/barom03.php>.

фической политики 2006–2007 гг. посвящено уже значительное число работ, в которых в основном достаточно скромно оценивается результативность этих мер – как по статистическим показателям, так и на основе данных социологических обследований (см., например, [1; 4; 5; 7; 10–15]. Поэтому особенно интересно оценивать влияние на процессы рождаемости и трансформацию репродуктивного поведения населения регионального материнского капитала, выплачиваемого на третьего (последующего) ребенка, введенного в 2011 г. во многих регионах и являющегося продолжением федеральной демографической политики. В данной статье такая оценка производится на материале северного региона страны – Республики Коми.

По данным территориальной статистики, в Республике Коми с 2000 г. идет повышение уровня рождаемости. Число родившихся увеличилось с 9680 чел. в 1999 г. до 12436 чел. в 2013 г., или на 28,5%. Поскольку повышение рождаемости в республике происходит у активно убывающего населения, общий ее коэффициент увеличился за это время больше – с 9,1 до 14,2‰. Во многом рост рождаемости был обусловлен улучшением возрастной структуры фертильных контингентов вследствие достижения активных детородных возрастов все более многочисленными поколениями, рожденными в середине – второй половине 1980-х годов, которое наблюдалось до конца минувшего десятилетия. Однако суммарный коэффициент рождаемости вырос за это время еще существеннее, что свидетельствует о заметном повышении интенсивности рождаемости. За 1999–2013 гг. суммарный коэффициент в Коми увеличился на 67,6%: с 1,174 детей в среднем на одну женщину в течение ее репродуктивного периода до 1,968 (рис. 1). В городской местности за это время произошел рост с 1,090 до 1,647 (на 51,1%), в сельской – с 1,542 до 4,076 (на 164,3%). В сельской местности республики еще в 2008 г. был преодолен психологически важный рубеж простого воспроизводства населения. Для условного поколения 2008 г. суммарный коэффициент рождаемости составил 2,305 детей на одну женщину. По данным территориальной статистики, в 2012 г. его величина превысила отметку 4, а в 2013 г. составила 4,601.

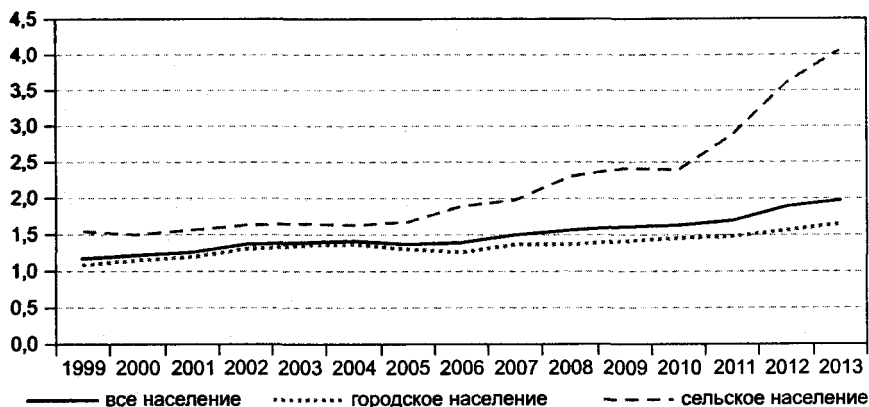


Рис. 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в Республике Коми (число детей на одну женщину в течение ее репродуктивного периода)

До 2006 г. основную роль в повышении рождаемости в республике играл фактор возрастной структуры. За 1999–2006 гг. общий коэффициент рождаемости вырос на 25,3% по сравнению с ростом суммарного коэффициента на 17,9%. Повышение интенсивности рождаемости в это время определялось спонтанной реализацией в условиях экономического роста 2000-х годов рождений, отложенных населением в кризисные в 1990-е годы. После введения в 2007 г. федерального материнского капитала на второго ребенка наблюдается опережающее возрастание суммарного коэффициента, что свидетельствует о выходе повышения интенсивности рождаемости на лидирующие позиции. За 2006–2013 гг. суммарный коэффициент рождаемости в Коми увеличился на 42,2% против роста общего коэффициента на 24,6%.

Таким образом, реализация государственной демографической политики не только позволила продлить позитивные тенденции рождаемости начала 2000-х годов, которые в 2005–2006 гг. в условиях продолжающегося благоприятного воздействия возрастной структуры уже проявили признаки стагнации, но и, безусловно, способствовала повышению интенсивности рождаемости. В Республике Коми темпы прироста суммарного коэффициента с отрицательного значения –3,0% в 2005 г. и 0,8% в 2006 г. увеличились в 2007 г. до 8,1%.

После этого наблюдалось постепенное их сокращение: до 4,1% в 2008 г., 3,8% в 2009 г., 1,1% в 2010 г. Введение в 2011 г. регионального материнского капитала на третьего ребенка заметно увеличило прирост суммарного коэффициента рождаемости: до 4,4% в 2011 г. и 10,4% в 2012 г. При этом в сельской местности республики прирост этого показателя, бывший в 2010 г. отрицательным, в 2011 г. составил 20%, в 2012 г. – 25,4%. То есть уже в условиях начавшегося ухудшения возрастной структуры репродуктивных контингентов позитивный тренд рождаемости не только сохранился, но и нарастал. В 2013 г. в целом по стране было зафиксировано снижение уровня рождаемости, а в Коми его рост сохранялся: суммарный коэффициент увеличился в целом по населению на 4,5%, в городской местности – на 4,7%, в сельской – на 13,1%.

В определенной степени это результат того, что в Республике Коми утвержден один из самых значительных в стране размер капитала на третьего ребенка. В соответствии с республиканским законом, вступившим в силу с 1 июля 2011 г., он составляет 150 тыс. руб. Сумма не индексируется. Она может быть реализована по истечении шести месяцев со дня рождения третьего или последующего ребенка, рожденного в период с 1 января 2011 г. по 31 декабря 2016 г. Средства капитала могут быть направлены на улучшение жилищных условий семьи, получение детьми образования и платных медицинских услуг. Кроме того, республиканским законом предусматривается ежегодная единовременная выплата за счет средств капитала на третьего ребенка в размере 25 тыс. руб., которая может быть направлена на оплату занимаемого семьей жилого помещения и коммунальных услуг, на содержание детей в дошкольных учреждениях, на уплату налогов, на страхование имущества семьи и жизни детей³.

Проанализируем характер влияния государственных демографических инициатив последних лет на интенсивность и структуру рождаемости в северном регионе, а также попробуем оценить их долговременные последствия.

³ См.: Закон Республики Коми «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Коми» № 45-РЗ от 29.04.2011 // Республика. – 2011. – 12 мая.

Как известно, изменение интенсивности рождаемости может быть обусловлено сформировавшейся под влиянием каких-либо факторов, к которым могут относиться в том числе меры демографической политики, долговременной тенденцией к повышению (или понижению) ее уровня, но во многом оно зависит и от особенностей календаря рождений, т.е. распределения рождений во времени на протяжении детородного периода, у разных реальных поколений населения [6]. Рост суммарного коэффициента рождаемости в 1999–2013 гг. в значительной степени был обусловлен изменениями в ее календаре. Если в уровне показателя 1999 г. отчетливо отражается откладывание рождений, практиковавшееся российским населением на всем протяжении кризисных 1990-х годов и очень заметно проявившееся после острейшего финансового кризиса 1998 г., то на уровень последних лет повышающее влияние оказывают реализация старшими поколениями ранее отложенных рождений, а также уплотнение графика рождений у молодых когорт населения под влиянием федеральных и региональных демографических инициатив. Доказательством факта реализации отложенных рождений является то, что за 1999–2013 гг. произошел заметный сдвиг рождаемости в старшие группы населения (табл. 1). Темп прироста возрастных коэффициентов, отрицательный в целом за 1999–2013 гг. в группе 15–19 лет, нарастает от возраста к возрасту, достигая максимума в группе 40–44 года. До 2007 г. самый значительный прирост возрастного коэффициента рождаемости приходился на группу 35–39 лет, после этого он перешел в более старший возрастной интервал.

В 2010 г. возрастная мода рождаемости (возраст, в котором совершается наибольшее число рождений), как и в целом по России, в Коми переместилась из группы 20–24 года в группу 25–29 лет. После этого прослеживается некоторый обратный сдвиг. Хотя возрастной коэффициент по-прежнему максимален в группе 25–29 лет, за 2010–2013 гг. показатель в группе 20–24 года увеличился на 19,1% по сравнению с 17,1% в группе 25–29 лет. Это позволяет предположить, что материнский капитал на третьего ребенка позитивно влияет на уровень рождаемости не только у тех когорт, которым он непосредственно адресован, но и у более молодых поколений, для которых рождение третьего ребенка может быть только еще в планах.

Таблица 1

**Динамика возрастных коэффициентов рождаемости в Республике Коми
в 1999–2013 гг.***

Год	Число родившихся в среднем за год на 1000 женщин в возрасте, лет							Суммарный коэффициент рождаемости**
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	
1999	32,1	92,1	64,3	33,5	10,6	2,0	0,1	1,174
2000	31,2	94,6	67,1	35,4	12,0	1,9	0,1	1,212
2001	30,9	99,0	71,0	37,9	12,2	1,9	0,1	1,265
2002	32,3	102,5	78,2	43,1	15,1	2,5	0,1	1,369
2003	33,6	106,1	78,0	44,5	15,7	2,3	0,0	1,401
2004	33,4	101,3	82,6	47,2	16,0	2,3	0,1	1,415
2005	30,5	98,1	78,7	46,7	18,0	2,4	0,1	1,373
2006	33,6	95,3	78,9	49,2	17,2	2,5	0,1	1,384
2007	34,0	99,5	87,4	53,0	22,1	3,0	0,1	1,496
2008	36,6	94,4	92,4	59,0	25,0	4,0	0,1	1,558
2009	35,3	98,7	95,1	63,4	26,2	4,4	0,1	1,616
2010	33,7	96,9	99,8	65,1	27,0	4,2	0,2	1,635
2011	31,4	102,4	102,7	68,5	30,9	5,2	0,1	1,706
2012	34,8	107,8	112,8	77,5	36,9	6,6	0,2	1,883
2013	30,6	115,4	116,9	81,5	40,7	8,1	0,3	1,968

* Рассчитано по данным статуправления Республики Коми.

** Суммарный коэффициент рождаемости рассчитан по возрастным коэффициентам.

Переход от повозрастных коэффициентов для условных поколений к реальным когортам женщин по году рождения, для которых эти коэффициенты характерны в тот или иной год наблюдения, показывает, какие поколения получили максимальный «репродуктивный выигрыш» от новых демографических инициатив государства (табл. 2). В таблице представлены только когорты с положительным значением темпа прироста в рассматриваемый период.

Таблица 2

**Реальные поколения, обеспечившие рост суммарного коэффициента
рождаемости в Республике Коми в 2007–2013 гг.***

Год	Возрастные группы, лет					
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44
2007	1988–1992** (1,2%)***	1983–1987 (4,4%)	1978–1982 (10,8%)	1973–1977 (7,7%)	1968–1972 (28,5%)	1963–1967 (20,0%)
2008	1989–1993 (7,6%)	1984–1988 (–5,1%)	1979–1983 (5,7%)	1974–1978 (11,3%)	1969–1973 (13,1%)	1964–1968 (33,3%)
2009		1985–1989 (4,6%)	1980–1984 (2,9%)	1975–1979 (7,5%)	1970–1974 (4,8%)	1965–1969 (10,0%)
2010			1981–1985 (4,9%)	1976–1980 (2,7%)	1971–1975 (3,1%)	1966–1970 (–4,5%)
2011		1987–1991 (5,7%)	1982–1986 (2,9%)	1977–1981 (5,2%)	1972–1976 (14,4%)	1967–1971 (23,8%)
2012	1993–1997 (10,8%)	1988–1992 (5,3%)	1983–1987 (9,8%)	1978–1982 (13,1%)	1973–1977 (19,4%)	1968–1972 (26,9%)
2013		1989–1993 (7,1%)	1984–1988 (3,6%)	1979–1983 (5,2%)	1974–1978 (10,3%)	1969–1973 (22,7%)
2006–2008	1988–1993 (8,9%)	1983–1988 (–0,9%)	1978–1983 (17,1%)	1973–1978 (19,9%)	1968–1973 (45,3%)	1963–1968 (60,0%)
2010–2013		1987–1993 (19,1%)	1982–1988 (17,1%)	1977–1983 (25,2%)	1972–1978 (50,7%)	1967–1973 (92,9%)
2006–2013		1983–1993 (21,1%)	1978–1988 (48,2%)	1973–1983 (65,7%)	1968–1978 (136,6%)	1963–1973 (224,0%)

* Рассчитано по данным статуправления Республики Коми.

** Годы рождения.

*** Темп прироста за указанный год.

Как видим, федеральные меры демографической политики в Республике Коми более всего содействовали реализации в 2007–2008 гг. итоговой плодовитости поколений 1963–1973 гг. рождения. В 2007 и 2008 гг. интенсивность рождаемости у этих поколений в возрастах 35–44 года выросла на 13–33%. Региональный материнский капитал на

третьего ребенка в максимальной степени способствовал увеличению в 2011–2013 гг. интенсивности рождаемости у когорт 1967–1978 гг. рождения. В 2011, 2012 и 2013 гг. повозрастная интенсивность рождаемости у этих поколений в старших возрастах повысилась на 10–26%.

Таким образом, в целом за период активизации государственной политики в сфере демографии наиболее значительный импульс к изменению репродуктивного поведения получили поколения 1960-х и 1970-х годов рождения, реально воплотившие это в рождениях в старших возрастных группах – в рождениях, которые без мер демографической политики могли не состояться. Для поколений 1980-х и даже начала 1990-х годов рождения также характерен рост показателей рождаемости, особенно после введения регионального капитала на третьего ребенка (к интерпретации механизма его воздействия на репродуктивные установки у молодых поколений мы еще вернемся). То есть подтверждается также тезис об уплотнении графика рождений у молодых когорт населения под влиянием государственных демографических инициатив.

Реализацию отложенных рождений в годы активизации демографической политики более наглядно демонстрирует опережающее увеличение процента рождений высокой очередности. Республика Коми относится к тем регионам страны, где перерыв в сплошной разработке информации об очередности рождений после утверждения федерального закона «Об актах гражданского состояния» от 15 ноября 1997 г., в соответствии с которым с 1999 г. информация об очередности рождения была исключена из записей актов о рождении, был не очень продолжительным – лишь пять лет (1999–2003 гг.). Уже с 2004 г. сведения о порядке рождения в Коми имеются практически по всем рождениям.

В целом за 2006–2013 гг. доля первенцев уменьшилась в республике более чем на четверть (на 27,5%), в то время как процент рождений всех остальных порядков увеличился. В первые два года после введения федерального материнского капитала на второго (последующего) ребенка доля вторых детей повысилась в Коми на 11,3%, третьих – на 25%, четвертых и последующих – на 19%. В условиях действия регионального капитала на третьего (последующего) ребенка удельный вес вторых рождений увеличился к 2013 г. по сравнению с 2010 г.

Таблица 3

Динамика структуры рождаемости в Республике Коми по очередности рождения, %*

Год	Доля детей по очередности рождения в общем числе рождений				
	первые	вторые	третьи	четвертые и последующие	всех очередностей
2006	59,3	31,8	6,8	2,1	100,0
2007	55,8	34,1	8,0	2,1	100,0
2008	53,6	35,4	8,5	2,5	100,0
2009	52,4	37,3	8,0	2,3	100,0
2010	51,1	38,0	8,7	2,2	100,0
2011	50,4	37,9	9,3	2,4	100,0
2012	46,6	39,2	11,4	2,8	100,0
2013	43,0	40,9	12,8	3,2	99,9

* Рассчитано по данным статуправления Республики Коми.

на 7,6%, третьих – на 47,1%, более старших очередностей – на 45,4% (табл. 3). В итоге рождения третьего порядка и выше составили в республике в 2013 г. 16% всех рождений, в то время как в 2006 г. их было менее 9%. По проценту рождений, в результате которых образуется многодетная семья, Республика Коми вернулась к уровню конца 1980-х – начала 1990-х годов. Несомненно, что демографическая политика, ориентированная на стимулирование рождений высокой очередности, способствовала возрастанию интенсивности рождаемости вследствие не только изменения календаря рождений, но и более полной реализации репродуктивных планов населения.

В качестве бесспорного позитивного результата просемейной демографической политики 2000-х годов следует оценить также повышение семейной рождаемости, т.е. удельного веса рождений в официально зарегистрированных семьях. В последнее время довольно часто можно услышать, что внебрачную рождаемость надо рассматривать скорее не как аспект семейной дезорганизации, а как основу альтерна-

тивных форм семейной организации, что во многих индустриально развитых странах удельный вес внебрачных рождений существенно выше, чем в России, и что высокий уровень внебрачной рождаемости – это один из признаков второго демографического перехода, т.е. явление цивилизационного порядка, закономерное и неизбежное (см., например, [2; 3; 9; 16; 17]). Действительно, в промышленно развитых странах уровень внебрачной рождаемости в настоящее время достаточно высок, а в ряде стран, например в Исландии, Скандинавских странах, Великобритании, он гораздо выше, чем в России. Но с характерным для этих стран уровнем жизни и с их возрастной структурой рождаемости (брачно-репродуктивный цикл там начинается в основном в 25–29 лет, когда уже получено образование и сделана определенная карьера) это, возможно, не проблема – ни нравственная, ни экономическая, ни социальная. Для России же это сгусток проблем. Высокий уровень внебрачной рождаемости ответствен как за распространенность фактических браков, характеризующихся по сравнению с официально зарегистрированными меньшей детностью и повышенной нестабильностью, так и за широкое распространение неполных семей и, соответственно, за ухудшение структуры моделей семьи с точки зрения ее социализирующих возможностей, отчасти и за невысокий уровень рождаемости, и за омоложение ее структуры, и за снижение качества рождаемости, и за невозможность более или менее полной реализации мужского брачного потенциала, т.е. в определенной степени даже за высокую мужскую смертность в трудоспособных возрастах.

После двух с лишним десятилетий роста доля внебрачных рождений в общем числе рождений сократилась в России с 30% в 2005 г. до 23,8% в 2012 г. и до 23% в 2013 г., т.е. это уже достаточно устойчивый процесс. В Коми уровень внебрачной рождаемости традиционно выше, чем в целом по стране. За 2005–2013 гг. он снизился здесь на четверть: с 42,3% в 2005 г. до 31,9% в 2013 г. В городской местности – соответственно с 39 до 27,6%, в сельской – с 53,5 до 42,9% (рис. 2). При этом в составе внебрачных рождений в последние годы устойчиво растет доля рождений, зарегистрированных по совместному заявлению обоих родителей, свидетельствующему о наличии отношений между родителями ребенка, возможно, даже фактического или визит-

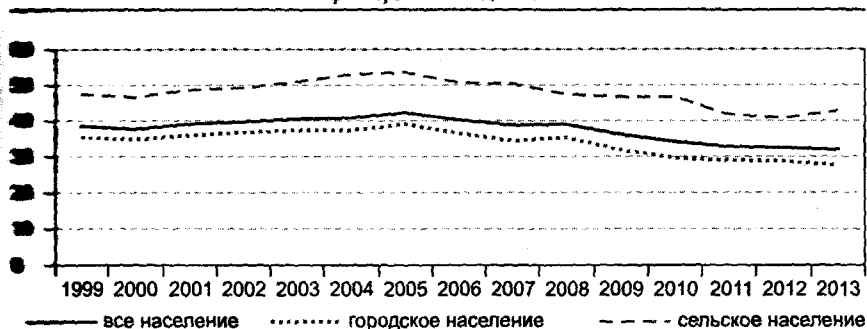


Рис. 2. Динамика удельного веса внебрачных рождений в общей структуре рождений в Республике Коми, %

ного брака, который впоследствии может быть официально зарегистрирован. В 2013 г. доля совместно зарегистрированных внебрачных рождений достигла в Коми 59,2%.

Таким образом, государственные демографические инициативы в области стимулирования рождаемости дали достаточно заметные положительные результаты. Они позволили продлить позитивный тренд рождаемости уже в условиях ухудшения возрастной структуры репродуктивных контингентов, реализовать ранее отложенные старшими поколениями рождения, повысить детность семей, усилить семейную составляющую рождаемости. Но с другой стороны, они привели к уплотнению календаря рождений и к досрочной реализации репродуктивных планов поколений, которые в момент введения новых мероприятий были в наиболее активных фертильных возрастах. А это, по сути, самые многочисленные в последнее время поколения начала–середины 1980-х годов рождения. Негативное влияние возрастной структуры репродуктивных контингентов, начавшееся в 2010–2011 гг., в самое ближайшее время в Коми также обусловит снижение уровня рождаемости, которое в целом по стране уже проявилось в 2013 г. При этом структурное понижение будет усилено досрочным исчерпанием итоговой детности старшими поколениями, в том числе и многочисленными когортами 1980-х годов рождения.

Кроме того, есть основания полагать, что негативную роль может сыграть также недостаточная репродуктивная активность поколений

начала 1990-х годов. По данным обследования репродуктивных установок населения, проведенного нами в 2008–2009 гг.⁴ (основной массив был опрошен в 2008 г.), у многочисленного поколения родившихся под влиянием мер демографической политики 1980-х годов сложились наиболее высокие репродуктивные ожидания (2,07 детей). У следующего за ним уже малочисленного поколения 1989–1993 гг. рождения репродуктивные планы находятся на уровне 1,92 детей, так же как и у родившихся в 1974–1983 гг. То есть федеральные меры демографической политики 2006–2007 гг., ориентированные на второго ребенка, оказались адресованными главным образом поколениям 1980-х годов рождения, а поколений начала 1990-х годов стимулирующий эффект федеральных мер уже не достиг.

Введенный в 2011 г. региональный материнский капитал на третьего ребенка, по логике, также адресован старшим поколениям, в том числе и когортам 1980-х годов рождения, которые ранее откликнулись на мероприятия по стимулированию вторых рождений. И переход максимальных темпов прироста возрастных коэффициентов рождаемости в группу 40–44 года это подтверждает. То есть, по сути, региональные демографические меры также способствуют уплотнению календаря рождений и еще более полному исчерпанию итоговой детности у относительно многочисленных старших когорт. Соответственно, в ближайшие годы эти поколения практически не будут вносить вклад в уровень рождаемости, и он преимущественно будет определяться моделями репродуктивного поведения малочисленных когорт конца 1980-х – 1990-х годов рождения. С другой стороны, как уже отмечалось, в течение 2011–2013 гг. рождаемость в группе 20–24 года (а это родившиеся после 1987 г.) выросла несколько значительнее, чем в группе 25–29 лет. То есть прослеживается воздействие стимулирования рождений высокой очередности на уровень рождаемости также и у тех поколений, которых эти меры напрямую не затрагивают.

⁴ Подробно см.: Попова Л.А., Бутрим Н.А. Современные стандарты репродуктивного поведения населения и задачи просемейной демографической политики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 2 (14). – С. 73–85.

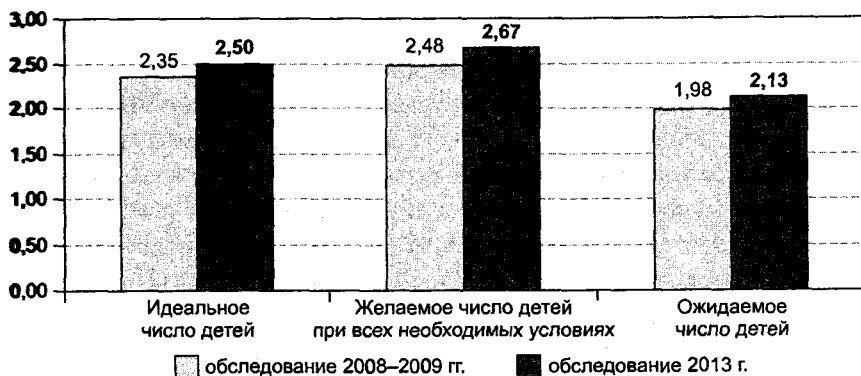


Рис. 3. Среднее идеальное, желаемое и ожидаемое число детей в семье по результатам обследований 2008–2009 и 2013 гг.

Еще больший интерес вызывает влияние регионального материнского капитала на репродуктивные установки населения в целом и особенно на установки разных реальных когорт, поскольку именно они определяют интенсивность рождаемости в перспективе. Мы попытались оценить это влияние в ходе проведенного в 2013 г. обследования⁵. Прежде всего необходимо отметить некоторое изменение всех основных видов репродуктивных установок в сторону увеличения числа детей по сравнению с обследованием 2008–2009 гг. (рис. 3). Среднее идеальное число детей увеличилось за пять лет с 2,35 до 2,5, желаемое при всех необходимых условиях – с 2,48 до 2,67, среднее ожидаемое число детей практически достигло уровня простого замещения поколений (выросло с 1,98 до 2,13). Иными словами, усиление просемейной демографической политики способствует не только уплотнению календаря рождений и более полной реализации репродуктивных планов населения, но и повышению уровня репродуктивных установок.

⁵ В рамках социологического обследования «Отношения между поколениями» было опрошено 922 человека старше 15 лет, из которых 795 человек относятся к репродуктивному возрасту (см.: Попова Л.А., Зорина Е.Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах. – Сыктывкар, 2014).

Логично было предположить, что в максимальной степени увеличился уровень репродуктивных ожиданий старших поколений, которым региональный материнский капитал позволил реализовать имевшуюся потребность в третьем-четвертом ребенке, которая в отсутствие мер демографической политики, стимулирующих рождаемость высокого порядка, могла остаться неудовлетворенной. В то же время молодые возрастные группы влияние стимулирования рождений старших очередностей на свои репродуктивные планы должны были испытать в меньшей мере.

Анализ ожидаемого числа детей по пятилетним возрастным группам с переходом на реальные когорты по годам рождения (рис. 4) дает следующую картину. Материнский капитал на третьего ребенка оказал влияние на репродуктивные планы всех без исключения реальных когорт населения. В наибольшей степени повышение уровня репродуктивных ожиданий, как и предполагалось, характерно для поколений, рожденных во второй половине 1970-х – начале 1980-х годов.

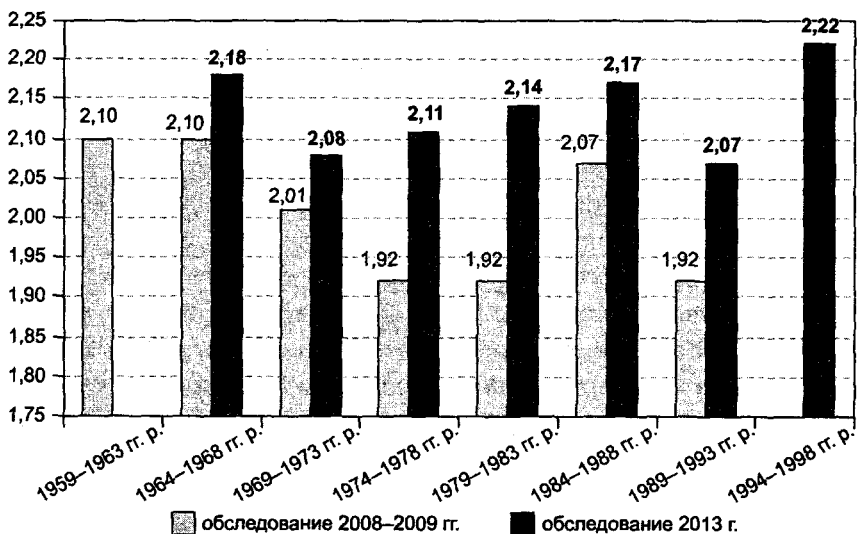


Рис. 4. Ожидаемое число детей у разных реальных когорт населения по результатам обследований 2008–2009 и 2013 гг.

У когорты 1979–1983 гг. рождения ожидаемое число детей увеличилось по сравнению с данными обследования, проведенного в 2008–2009 гг., на 11,5%, у родившихся в 1974–1978 гг. – на 9,9%. В этом, на наш взгляд, нашло отражение то, что представители указанных поколений, которые смогли реально удовлетворить существующую потребность в многодетности, пересмотрели и переформулировали свои репродуктивные ожидания.

На 7,8% увеличилось к 2013 г. и ожидаемое число детей у поколения 1989–1993 гг. рождения, которое, согласно результатам предшествующего обследования, не испытало стимулирующего влияния федеральных мер демографической политики. В то же время обращает на себя внимание, что эта когорта, как и в 2008–2009 гг., характеризуется заметно более низкими репродуктивными планами, чем поколение 1984–1988 гг. рождения. Более того, в 2013 г. репродуктивные планы когорты 1989–1993 гг. рождения ниже, чем у всех остальных поколений. Это, безусловно, негативно скажется на уровне рождаемости в ближайшие годы.

Но самый интересный и, на первый взгляд, неожиданный результат состоит в том, что репродуктивные ожидания самой молодой возрастной группы, участвовавшей в обследовании 2013 г., – поколения 1994–1998 гг. рождения оказались не только выше планов поколения начала 1990-х годов, не только выше среднего ожидаемого числа детей по массиву опрошенных (2,22 детей против 2,13), но и выше ожидаемого числа детей у всех старших реальных поколений, которые в момент опроса относились к репродуктивному возрасту и часть из которых имели возможность реально воспользоваться и федеральным, и региональным материнским капиталом. Очевидно, что поколения середины – второй половины 1990-х годов рождения, чьи стандарты демографического поведения формировались в благоприятных условиях активизации внимания государства к демографическим проблемам, носящей не декларативный характер, а являющейся претворением в жизнь масштабных мероприятий, направленных на улучшение экономических и демографических возможностей семьи, получили достаточно мощный позитивный импульс для реализации своих репродуктивных планов.

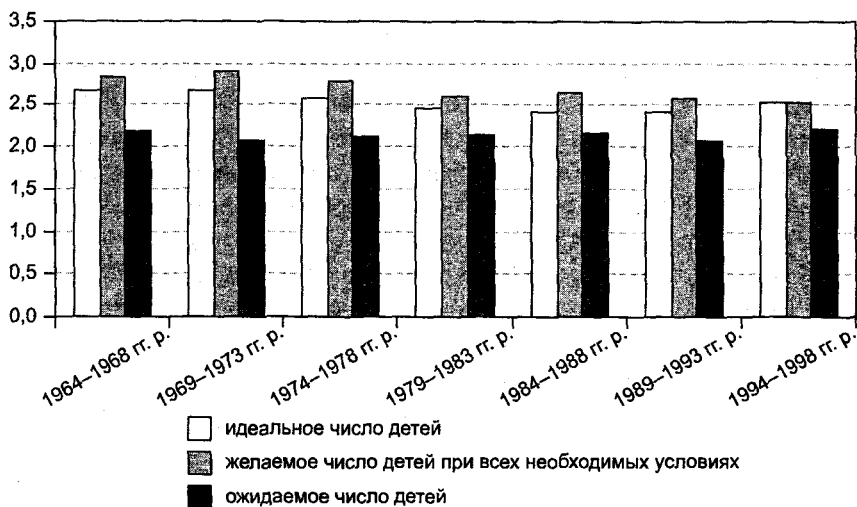


Рис. 5. Идеальное, желаемое и ожидаемое число детей в семье у разных реальных когорт по результатам обследования 2013 г.

Более того, только у этого поколения не наблюдается превышения желаемого при всех необходимых условиях числа детей над идеальным (рис. 5), выявляемого практически во всех обследованиях мнений о числе детей в семье в пореформенной России. Такую инверсию, с одной стороны, можно интерпретировать как признак ущемления индивидуальных репродуктивных свобод в условиях значительного влияния материальных факторов. С другой стороны, в ней находит свое отражение весьма скептическое отношение населения к вопросу о необходимости повышения рождаемости в современной России. В своей семье при благоприятной ситуации люди желают больше детей, чем считают необходимым и возможным в обществе, которое, на их взгляд, не имеет достаточных условий для высокого уровня детности. По данным обследования 2008–2009 гг., превышение желаемого числа детей над идеальным было характерно для всех опрошенных реальных когорт. В 2013 г. для возрастной группы 15–19 лет (т.е. для когорты 1994–1998 гг. рождения) и тот, и другой показатель составляет 2,53 детей. Это, на наш взгляд, также результат позитивного влия-

ния последовательной государственной демографической политики и постепенного наращивания ее мер.

Таким образом, хотя региональный материнский капитал на третьего ребенка, по сути, был адресован прежде всего многочисленным поколениям 1980-х годов рождения и еще более старшим когортам, которые ранее смогли воспользоваться материнским капиталом на второго ребенка, эффект региональных мер демографической политики оказался более универсальным. Они способствовали не только увеличению уровня рождаемости, продолжающемуся уже в условиях начавшегося ухудшения возрастной структуры репродуктивных контингентов, не только опережающему возрастанию доли рождений высокого порядка, свидетельствующему о повышении уровня реализации репродуктивных установок населения, но и увеличению репродуктивных планов населения, включая самые молодые возрастные когорты.

Иными словами, последовательное наращивание мер просемейной демографической политики может повлиять не только на текущую ситуацию в области рождаемости, но и на ее перспективы. При этом крайне важно, чтобы невысокие репродуктивные ожидания малочисленных поколений конца 1980-х – начала 1990-х годов рождения могли удовлетвориться в максимальной степени; чтобы репродуктивные планы еще более малочисленных поколений середины – второй половины 1990-х годов рождения, сформировавшиеся на довольно высоком уровне, могли реализоваться полностью; чтобы следующие за ними тоже малочисленные поколения 2000-х годов рождения, которые только-только вступают в репродуктивный возраст, запланировали для себя не меньшее число детей. Для этого необходимо как минимум пролонгировать действие и федерального, и регионального материнского капитала. Эффективность и того, и другого имеет характер не только изменения календаря рождений. Они реально способствовали увеличению детности семей и повышению уровня репродуктивных установок молодых поколений, которое сыграет свою роль в перспективе. Отмена материнского капитала приведет к разочарованию населения в государственной демографической политике. В условиях предстоящего длительного структурного понижения уровня рождаемости это чревато новым витком демографического кризиса, более глубокого, чем в 1990-е годы. Только поступательная, последовательная государственная просемейная демографическая политика, углубление ее мер и рас-

ширение их спектра могут в какой-то степени нивелировать предстоящий структурный спад рождаемости.

При разработке новых мер демографической политики следует акцентировать внимание на улучшении качественной структуры рождаемости, на укреплении института семьи, на возрождении и усилении духовно-нравственных традиций семейных отношений. Самой просемейной мерой демографической политики можно считать приоритет, отдаваемый вторым рождением, поскольку именно они являются наиболее семейными. На наш взгляд, сегодня требуется переориентация мероприятий демографической политики на вторые рождения. Новые инициативы государства должны вовлекать в свою орбиту не только многодетные семьи, но и прежде всего двухдетные. Тем более, что адресатом обновления и усиления мер, ориентированных на стимулирование вторых рождений, в настоящее время окажутся поколения 1990-х годов рождения, активизация репродуктивного поведения которых отвечает долгосрочным целям демографического развития страны.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 15-02-00355/15)

Список источников

1. *Архангельский В.Н.* Оценка демографической результативности мер помощи семьям с детьми в России // Демография та соціальна економіка. – 2014. – № 1. – С. 108–120.
2. *Барашкова А.С., Сукнёва С.А.* Конфликтогенные факторы брачного поведения населения Якутии // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 4. – С. 116–132.
3. *Вишневский А.Г.* Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида homo sapiens. – URL: [http:// demreview.hse.ru/2014-1/120991102.html](http://demreview.hse.ru/2014-1/120991102.html) (дата обращения 12.01.2015).
4. *Вишневский А.Г.* Демографический прорыв или движение по кругу? – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0533/tema05.php> (дата обращения 12.01.2015).
5. *Григорьев Ю.А., Соболева С.В.* Современное состояние репродуктивного здоровья как фактор сокращения рождаемости населения Сибири // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 2 (78). – С. 215–236.
6. *Демографический понятийный словарь* / Под. ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: Центр социального прогнозирования, 2003. – 352 с.

7. *Елизаров В.В.* Семейная политика: прошлое, настоящее, будущее // Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика. – М.: Экон-информ, 2013. – Вып. 1. – С. 10–28.
8. *Захаров С.В.* Какой будет рождаемость в России. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema01.php> (дата обращения 12.01.2015).
9. *Захаров С.В.* Куда движется супружество в России? – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema01.php> (дата обращения 12.01.2015).
10. *Захаров С.В.* Рост числа рождений в России закончился? – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0453/tema01.php> (дата обращения 12.01.2015).
11. *Зверева Н.В.* Действенность мер демографической политики в области рождаемости: оценки населением // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2013. – № 9. – С. 15–27.
12. *Римашевская Н.М., Доброхлеб В.Г., Янчук Ю.Н.* Изменение посемейной структуры населения как следствие «новой» пронаталистской политики в России // Демографическое настоящее и будущее России и ее регионов. – М., 2012. – Вып. 1. – С. 87–94.
13. *Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А.* Эффективность политики России в области рождаемости // Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика. – М.: Экон-информ, 2013. – Вып. 1. – С. 92–101.
14. *Синельников А.Б.* Влияние семейной и демографической политики на брачность и рождаемость // Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика. – М.: Экон-информ, 2013. – Вып. 1. – С. 127–135.
15. *Шитунцова О.В.* Проблемы и перспективы региональной демографической политики в области рождаемости // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 1 (73). – С. 174–184.
16. *Lesthaeghe R.J., Neidert L.* US presidential elections and the spatial pattern of the American second demographic transition // Population and Development Review. – 2009. – No. 35 (2). – P. 391–400.
17. *Van de Kaa D.J.* Universal history and population change // Demografía. – 2010. – Vol. 53, No. 5. – P. 5–20.

Информация об авторах

Попова Лариса Алексеевна (Россия, Сыктывкар) – доктор экономических наук, заместитель директора. Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН (167982, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, e-mail: porova@iespn.komisc.ru).

Шшикина Мария Александровна (Россия, Сыктывкар) – младший научный сотрудник. Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН (167982, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, e-mail: shishkina@iespn.komisc.ru).

Бутрим Наталья Александровна (Россия, Сыктывкар) – старший преподаватель. Сыктывкарский государственный университет (167001, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55, e-mail: butrim_dom@mail.ru).

DOI: 10.15372/REG20150908

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 3 (87), p. 190–212

L.A. Popova, M.A. Shishkina, N.A. Butrim

CHANGE IN REPRODUCTIVE BEHAVIOR IN THE KOMI REPUBLIC: FACTORS AND CONSEQUENCES

The article analyzes the current fertility trends in the Komi Republic, changes in its structure concerning birth order, mother's age and marriageability. Basing on a cohort sociological study, we evaluate the impact of federal and regional demographic policy on the change in reproductive attitudes. The article states that recent public initiatives in this sphere have helped elongate positive fertility trend under a declining age structure, make up for births postponed by previous generations, increase the number of children per family, strengthen the role of the family in fertility, as well as assisted in young families' early fertility. Federal and regional measures of demographic policy were the most beneficial for 1960's and 1970's generations who actualized them later in older age groups. Yet, regional measures of demographic policy aimed at encouraging having a third child appeared to be more universal. They did not only contribute to a further increase in fertility and faster rise in the proportion of higher-order births, but also improved reproductive planning, including among the youngest birth cohorts. We conclude that a gradual expansion of pro-family demographic measures can affect both the current fertility situation and its future prospects.

Keywords: fertility, age structure, intensity of fertility, demographic policy, maternity capital, reproductive attitudes, the Komi Republic

The publication is prepared within the framework of the project No. 15-02-00355/15 supported by funding from the Russian Foundation for Humanities

References

1. *Arkhangelskiy, V.N.* (2014). Otsenka demograficheskoy rezultativnosti mer pomoshchi semyam s detmi v Rossii [Assessment of demographic efficiency of measures of the help to families with children in Russia]. *Demografiya ta sotsialna ekonomika [Demography and Social Economy]*, 1, 108–120.
2. *Barashkova, A.S. & S.A. Sukneva.* (2011). Konfliktogennyye faktory brachnogo povedeniya naseleniya Yakutii [Conflict-generating factors of marriage behavior in Yakutia]. *Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]*, 4, 116–132.
3. *Vishnevskiy, A.G.* (2014). Demograficheskaya revolyutsiya menyaet reproduktivuyu strategiyu vida Homo sapiens [Demographic revolution changes homo sapiens' reproductive strategy]. Available at: <http://demreview.hse.ru/2014-1/120991102.html> (date of access: 12.01.2015).
4. *Vishnevskiy, A.G.* (2012). Demograficheskiy proryv ili dvizhenie po krugu? [Demographic breakthrough or going round in circles?]. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0533/tema05.php> (date of access: 12.01.2015).
5. *Grigoryev, Yu.A. & S.V. Soboleva.* (2013). Sovremennoe sostoyanie reproduktivnogo zdorov'ya kak faktor sokrashcheniya rozhdaemosti naseleniya Sibiri [Reproductive health as a factor of the reduced birth rates in Siberia]. *Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]*, 2 (78), 215–236.
6. *Rybakovskiy, L.L. (Ed.)* (2003). Demograficheskiy ponyatiynnyy slovar [Demographic Conceptual Dictionary]. Moscow, Center for Social Forecasting, 352.
7. *Yelizarov, V.V.* (2013). Semeynaya politika: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Family policy: the past, the present and the future]. *Strategiya demograficheskogo razvitiya Rossii: rozhdaemost i semeynaya politika [Strategy for Demographic Development of Russia: Fertility and Family Policy]*. Moscow, Econ-Inform Publ., Vol. 1, 10–28.
8. *Zakharov, S.V.* (2012). Kakoy budet rozhdaemost v Rossii [What is fertility trend in Russia]. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema01.php> (date of access: 12.01.2015).
9. *Zakharov, S.V.* (2013). Kuda dvizhetsya supruzhestvo v Rossii? [Where is marriage going in Russia?]. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema01.php> (date of access: 12.01.2015).
10. *Zakharov, S.V.* (2011). Rost chisla rozhdeniy v Rossii zakonchilsya? [Has the increase in birth stopped in Russia?]. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0453/tema01.php> (date of access: 12.01.2015).
11. *Zvereva, N.V.* (2013). Deystvennost mer demograficheskoy politiki v oblasti rozhdaemosti: otsenki naseleniem [Efficiency of measures for demographic policy concerning birthrate: population estimate]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Vestnik of Samara State University of Economics]*, 9, 15–27.
12. *Rimashevskaya, N.M., V.G. Dobrokhleb & Yu.N. Yanchuk.* (2012). Izmenenie posemeynoy struktury naseleniya kak sledstvie «novoy» pronatalistskoy politiki v Rossii [Change in household structure of the population as a consequence of the «new» pro-natalist policy in Russia]. *Demograficheskoe nastoyashchee i budushchee Rossii i ee*

regionov. Vyp. 1 [Strategy for Demographic Development of Russia: Fertility and Family Policy. Vol. 1]. Moscow, Econ-Inform Publ., 87–94.

13. *Rybakovskiy, O.L. & O.A. Tayunova.* (2013). Effektivnost politiki Rossii v period rozhdaemosti [Efficiency of Russia's policy in fertility period]. *Strategiya demograficheskogo razvitiya Rossii: rozhdaemost i semeynaya politika. Vyp. 1* [Strategy for Demographic Development of Russia: Fertility and Family Policy. Vol. 1]. Moscow, Econ-Inform Publ., 92–101.

14. *Sinel'nikov, A.B.* (2013). Vliyanie semeynoy i demograficheskoy politiki na brachnost i rozhdaemost [The impact of family and demographic policy on marriage rate and fertility]. *Strategiya demograficheskogo razvitiya Rossii: rozhdaemost i semeynaya politika* [Strategy for Demographic Development of Russia: Fertility and Family Policy]. Moscow, Econ-Inform Publ., Vol. 1, 127–135.

15. *Shipunova, O.V.* (2012). Problemy i perspektivy regionalnoy demograficheskoy politiki v ovlasti rozhdaemosti [Regional birthrate policy: problems and perspectives]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1 (73), 174–184.

16. *Lesthaeghe, R.J. & L. Neidert.* (2009). US presidential elections and the spatial pattern of the American second demographic transition. *Population and Development Review*, 35 (2), 391–400.

17. *Van de Kaa, D.J.* (2010). Universal History and Population Change. *Demográfia*, 53 (5), 5–20.

Information about the authors

Popova, Larisa Alekseyevna (Syktyvkar, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Deputy Director at the Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russia, e-mail: popova@iespn.komisc.ru).

Shishkina, Maria Aleksandrovna (Syktyvkar, Russia) – Junior Researcher at the Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russia, e-mail: shishkina@iespn.komisc.ru).

Butrim, Natalya Aleksandrovna (Syktyvkar, Russia) – Senior Lecturer at Syktyvkar State University (55, Oktyabrskiy av., Syktyvkar, 167001, Russia, e-mail: butrim_dom@mail.ru).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 12.05.2015 г.

© Попова Л.А., Шишкина М.А., Бутрим Н.А., 2015